

Бес ненависти: как журналисту избегать языка вражды в своих материалах

Зачем СМИ модерировать комментарии под своими материалами и нужно ли цитировать ненавистнические речи политиков, читайте в интервью с медиаэкспертом, директором Школы миротворчества и медиатехнологий по Центральной Азии **Ингой Сикорской**.

Инга Сикорская

– Что такое язык вражды?

Термин «язык вражды» в законодательствах стран Центральной Азии не упоминается.

В мировой практике противозаконные формы языка вражды отнесены по квалификации к антидискриминационным законодательствам. В странах Центральной Азии и Кыргызстане всеобъемлющих антидискриминационных законодательств нет. Есть только отдельные статьи с широким трактованием.

Там [в антидискриминационных законодательствах] основным

понятием является публичное подстрекательство к ненависти. Оно базируется на терминологии международного права и четко криминализует высказывания, побуждающие к опасным действиям, которые могут иметь серьезные последствия.

– Как градируется язык вражды?

– С точки зрения международных стандартов и применительно к нашему контексту (контекст стран Центральной Азии – *прим. авт.*) язык вражды должен делиться на негативно-оценочный контент, допустимый с точки зрения свободы выражения, и противозаконный – тот, который может попадать под какие-то санкции и ограничения. Иначе говоря, клишированные оценочные высказывания по отношению к расе, этнической, религиозной, гендерной, социальной группе без явных призывов к расправе – это негативно-оценочная форма.

Но если к ней добавляются такие слова, как: «бейте», «жгите», «убивайте», «взрывайте» с конкретным описанием таких предполагаемых действий, с обоснованием их необходимости, и направленностью на четкое указание объекта – это может квалифицироваться как противозаконный контент.

– Может ли ненавистническая лексика появиться в журналистском материале в результате ошибки автора?

– Конечно, может. Причем нередко даже не в результате ошибки, а в силу привычки стереотипично мыслить. Язык вражды базируется на стереотипах, которые закладываются в семье, в детском саду, в школе, в университете. И журналист может быть носителем этих стереотипов.

Кроме того, журналист может не обладать должным уровнем политкорректности, этикой. И это, опять же связано с его уровнем культуры. Он думает, что это правильно, потому что так говорят у него дома, так говорят его друзья. Также журналист может стать распространителем языка вражды в силу того, что он использует цитаты спикеров, респондентов, публичных лидеров, политиков, которые транслируют ненависть.

– Значит ли это, что нельзя цитировать ненавистнические высказывания публичных личностей?

– Трансляторов ненависти необходимо показывать обществу, чтобы у людей было понимание, например, за кого они голосуют. Когда речь идет о политиках, которые с высокой трибуны используют язык вражды, эти факты можно положить в контекст, чтобы продемонстрировать аудитории ценности этого политика, если он оголтелый, радикальный, ультраправый националист, допустим. Его необязательно цитировать, но можно показать читателю, что он представляет собой.

– А если журналист все-таки решает дать цитату?

– Этого нельзя делать в режиме по comment. Такие ошибки допускались в октябре 2020 года, когда информацию о событиях в Бишкеке просто вываливали, давая несбалансированный материал, содержащий высказывания из языка вражды.

Появился бывший мэр Оша и его речь, изобиловавшую националистическими высказываниями, так и дали. Никто не взял комментарий у эксперта, например, из кыргызской Коалиции за равенство который сказал бы о том, что это были публичные речи ненависти, которые могут привести к последствиям.

– Одного эксперта, чтобы сбалансировать ненавистническое высказывание, достаточно?

– Да, но на самом деле, даже одного найти не так просто, потому что есть проблема с экспертами – не все хотят комментировать подобные высказывания. Нет единых подходов, нет единого мнения. Это объясняется тем, что в странах, которые идут по пути соблюдения международных стандартов, противозаконный язык вражды находится в законодательстве о недискриминации. А в Кыргызстане такое законодательство отсутствует. Наши правоприменители руководствуются чаще антиэкстремистским законодательством.

– Какая форма языка вражды более часто используется в странах

Центральной Азии?

– Чаще всего используется негативно-оценочная форма языка вражды, допустимая с точки зрения свободы выражения. Но в некоторых случаях она может быть неприемлемой с точки зрения этики. Язык вражды имеет гибкую структуру и в определенных общественно-политических контекстах, некоторые негативно-оценочные высказывания могут перерасти в противозаконные.

Как это произойдет? Если вдруг завтра где-то в мире произойдет что-то, что, к примеру, спровоцирует приступ религиозной нетерпимости, то любые враждебные высказывания в адрес таргетируемой группы могут ранить ее представителей, вызвать протест или даже стать причиной прямого насилия.

– Как понять, где находится грань между допустимой и недопустимой формой языка вражды?

– Она определяется по нескольким маркерам. В том числе и общим социально-политическим контекстом. Если завтра в парламенте, например, начнут обсуждать китайские инвестиции и на этом фоне начнутся протесты на месторождениях с требованиями об уходе инвесторов из КНР, естественно, эта таргетированная группа (этнические китайцы – *прим. авт.*) будет сильно подвержена языку вражды, что может вылиться в прямое насилие, как это уже было не раз в Кыргызстане. То же самое может быть с любой другой группой.

– Возможно ли избавиться от языка вражды полностью?

– Есть такой парадокс: чем больше свободы выражения, тем может быть больше языка вражды. Этот парадокс применим к тем обществам, где нет высокого уровня толерантности, где есть проблемы с культурой полемики в общественных дискуссиях. Чего катастрофически как раз не хватает нашему обществу.

Снизить содержание враждебных высказываний можно только, если создать баланс между теми, кто вступает в дискуссию, просвещая их, направляя в русло мирного и культурного диалога. Но есть

такое опасение, что нам до этого еще очень далеко.

– Должны ли СМИ модерировать комментарии под своими материалами и их публикациями в социальных сетях, чтобы не допускать дискуссии, ведущейся на языке вражды?

– В последние годы, наблюдается рост фейков и троллинга. В связи с этим, полагаю, что модерация комментариев просто необходима. Международные СМИ уже пришли к этому. Однако модерировать нужно не методом цензуры. Модерация должна базироваться на вопросах этики и свободы выражения. Этим в редакциях должны заниматься отдельные люди. Они должны активно взаимодействовать с комментаторами-распространителями ненависти, вступать в контакт, пытаться отрегулировать обезвредить на уровне коммуникации.

Практика и изучение международного опыта показывает, что в некоторых случаях это дает желаемый результат и люди меняют свою позицию, отказываются от языка вражды. Понятно, что это дополнительная экономическая нагрузка для СМИ, однако если редакции будут ссылаться на отсутствие ресурсов для осуществления этой деятельности, то мы приходим к тому, что нас (кыргызские медиа – *прим. авт.*) будут регулировать сверху, как это происходит в соседних странах и эта опасность сегодня очень велика.

Какие группы людей чаще всего хейтят в странах Центральной Азии? Есть ли какие-то особенно чувствительные темы журналистских материалов, которые могут вызвать ненавистническую дискуссию?

– Сейчас произошло смешивание трендов – ненавистнический контент, фальшивый, троллинг и флейминг – все это может вызвать речевую агрессию. Чувствительные темы, которые могут выступить катализатором, – это острые социально-политические проблемы, обсуждения идентичностей людей и групп (религиозных, гендерных, этнических, социальных), политических взглядов разных контекстах.

В странах Центральной Азии, это еще и дискуссии на темы коррупции и коррупционеров, богатых и бедных, земли, воды, приграничные споры и влияние геополитических игроков на страну. Как видите, спектр весьма широкий.

– Тrolли и хейтеры – это одно и то же?

– Термин «хейтеры» пришедший в сленг от английского слова hate (ненависть) относился к профессиональным группам ненависти, которые были распространены в интернете и сформировались еще в доцифровую эпоху в офлайн среде. В мире насчитывается около трех миллионов «групп ненависти», активно работающих в мессенджерах и социальных сетях. Это в основном ксенофобные цифровые сообщества. Термин «хейтер» как раз относится к ним.

В центральноазиатском онлайн-пространстве таких групп пару десятков и они сеют нетерпимость точно, как это делают и глобальные цифровые трайбы. Те трансляторы ненависти, которых в дискуссиях именуют «хейтерами» на самом деле являются либо некорректными пользователями с невысоким уровнем культуры, либо неэтичными журналистами, либо простыми троллями. Последние могут быть как фейками, специально созданными под какой-то одноразовый проект, политический, к примеру, как это было во время парламентских выборов в Кыргызстане.

Троллить с использованием языка ненависти могут и вполне известные публичные спикеры, политики, лидеры мнений, журналисты. Троллинг, отнесенный к речевой агрессии в интернете, явление не новое в социальной среде. Он зародился еще в 19 веке, а в цифровую эпоху стал доступен всем.

– Как бороться с хейтерами? Какие приемы можно использовать для этого?

– Если это действительно ксенофобная группа, распространяющая нетерпимость, то можно проанализировать контент на предмет наличия там крайних форм языка вражды. Если это фальшивый аккаунт, с которого распространяются целенаправленные речевые атаки, пропаганда, оскорбления, то меры будут другие. Ну а

если публичные спикеры, наделенные большим электоратом, аудиторией, транслируют речи ненависти, вероятность реализации которых будет иметь последствия в офлайн среде, то это уже третий случай.

С другой стороны, просвещение, поощрение многообразия, поддержание разных идентичностей в обществе, как его основного базиса через соответствующие законы и внедрение толерантности в местную культуру, остаются главными механизмами преодоления вражды.

В нашей интернет-среде больше фиксируется «языка хамства», что указывает на нехватку культуры в онлайн-коммуникациях, недостаток просвещенности и образованности в сфере публичных дискуссий, отсутствие формата корректных полемик по острым вопросам и понимания того, что мы находимся в одном пространстве, где не существует границ. Поэтому любая посеянная нетерпимость тут же разрастается.

В журналистике много инструментов как противостоять ненависти. Мне кажется, медиа и журналисты должны быть главными проводниками новых форматов обсуждений, чтобы продвигать это в обществе.

Данная публикация подготовлена в рамках программы наставничества проекта «Развитие новых медиа и цифровой журналистики в Центральной Азии», реализуемого Институтом по освещению войны и мира (IWPR) при поддержке Правительства Великобритании. Содержание публикации не отражает официальную точку зрения IWPR или Правительства Великобритании.